

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ РОССИИ ОПЫТ КИТАЯ?

Аннотация: В статье рассматриваются социальные, экономические и политические изменения в России, а также проводится их сравнение с реформами проводимыми в Китае. Проанализированы плюсы и минусы, связанные с представлениями о возможности использовать в качестве стратегии развития т.н. «китайскую модель» как более успешную альтернативу стратегии либерализации, заимствованную у стран западной Европы и северной Америки. Особое внимание уделяется вопросу о «неэкономических феноменах», влияющих на правильность выбора и успех реализации антикризисной политики государства. Ключевым для исследования является конкретно-исторический подход. Для решения исследовательских задач применялись системный, структурно-функциональный, формально-логический, историко-правовой, сравнительный анализ и другие научные методы. Показаны причины объективного снижения в условиях глобализации качества государственного управления, основанного на ценностях демократии. Отмечены различия в содержании понятий «Вашингтонский консенсус» и «Вашингтонская гипотеза». Продемонстрировано, что научные представления о том, в чем состоит суть «китайского опыта», появились значительно позже того времени, когда в СССР начались реформы, а значит, не могли быть заимствованы советским руководством.

Abstract: This article reviews social, economic and political changes in Russia, as well as compares them with the reforms conducted in China. The author analyzes positive and negative aspects pertaining to the concept of using as a strategy of development a so called “Chinese model” as a more successful alternative to the strategy of liberalization, which was adopted from the Western European countries and North America. A special attention is given to the problem about the “non-economic phenomena” that have an impact upon the accuracy of choice and the success of realization of the antirecession policy of the country. The causes of the objective decrease of the state government that is based on the values of democracy are examined under the conditions of globalization. The author marks the differences between the notions “Washington consensus” and “Washington hypothesis”. It is demonstrated that the scientific concept about the essence of the “China’s experience” emerged a lot later the time, when the reforms began within USSR; hence, they could not be borrowed by the Soviet government.

Ключевые слова: Стратегия развития, экономический кризис, глобализация, “Пекинский консенсус”, “Вашингтонский консенсус”, “Мумбайский консенсус”, китайский опыт, радикальные реформы, социально-экономические реформы, эффективность государственного управления.

Keywords: Strategy of development, economic crisis, globalization, “Beijing consensus”, “Washington consensus”, “Mumbai consensus”, China’s experience, radical reforms, socio-economic reforms, effectiveness of state government.

В конце XX – начале XXI вв. мир вступил в полосу нестабильности. Поскольку очередной период глобальной «турбулентности» еще не завершен, вряд ли сегодня возможно дать надежный прогноз, в какое новое устойчивое состояние перейдет мировая система и ее отдельные элементы. Но ясно одно – будет серьезно меняться (и уже меняются) не только принципы самого миропорядка, но также сложившиеся представления о целях и критериях успешности мирового и национального развития. Очевидно также, что будет продолжен поиск наиболее эффективных «антикризисных стратегий», способных гарантировать устойчивое функционирование суверенных экономик и политических систем, обеспечить их адаптивность и целенаправленное движение вперед.

И хотя известно, что рецептов, пригодных на все случаи жизни, не существует, глобальный мир объективно нацелен на поиск универсального опыта. К тому же, психология современного постиндустриального общества явно или неявно, предполагает, что знания, имеющие реальную ценность, должны быть облечены в форму, обеспечивающую возможность их трансферта. Поэтому специалисты постоянно работают над тем, чтобы «очистить» представляющийся перспективным опыт стран от «излишней» эмпирики, превратить его в алгоритм действий, пакет рекомендаций, социальную технологию, следование которым должно обеспечить достижение гарантированного успеха.

Еще недавно на роль универсального рецепта «запуска мотора кризисной экономики» претендовал инструментарий, основанный на концептуальном багаже либерализма и глобалистской политики в духе так называемого «Вашингтонского

консенсуса». История конца XX-начала XXI вв. показала, что этот опыт применим далеко не везде и не всегда¹.

Справедливости ради стоит отметить, что автор термина «Вашингтонский консенсус», известный американский экономист Джон Уильямсон (*John Williamson*) использовал его в очень узком смысле – исключительно как обозначение для свода рекомендаций ключевых экспертов Всемирного банка о путях преодоления экономического кризиса в развивающихся странах Латинской Америки². Первоначально эти экспертные рекомендации включали в себя десять позиций, которые вместе составляли так называемый «стандартный пакет» макроэкономических реформ³. Однако это

¹ На практике элементы из «стандартного пакета» мер «Вашингтонского консенсуса» в том или ином виде были использованы при проведении экономических реформ в Центральной и Латинской Америке, а также в Восточной Европе. Считается, что похожая схема была использована для радикальных преобразований в Польше, Словении, Чехии и России.

² Первоначально Дж. Уильямсон называл данный перечень экспертных рекомендаций «Вашингтонской повесткой дня». Williamson J. A Short History of the Washington Consensus. Paper for a conference “From the Washington Consensus towards a new Global Governance”, Barcelona, Sept. 24-25, 2004. – <http://www.iie.com/publications/papers/williamson0904-2.pdf>; *Williamson J. What Should the World Bank Think About the Washington Consensus? // World Bank Research Observer. 2000. Vol. 15. № 2. P. 251–264.*; и др.

³ «Стандартный пакет» включал, в частности, следующие меры: ужесточение фискальной политики; переход в политике бюджетных

Трансформация правовых и политических систем

словосочетание, несмотря на все разъяснения и протесты Дж. Уильямсона, теперь повсеместно используется в другом, более широком смысле – как обозначение идей воинствующего неоллиберализма и глобалистской политики, проводимой международными финансовыми организациями. А в публичных дискурсах уильямсоновский «пакет» из десяти позиций был сокращен до короткого, яркого, но неточного лозунга «Либерализация, стабилизация и приватизация», который в 1990-е гг. стал символом радикальных рыночных реформ и финансовой глобализации. В результате термин «Вашингтонский консенсус» стал нередко использоваться как синоним рыночного фундаментализма⁴.

Необходимо отметить, что сами по себе элементы «стандартного пакета», описанного Дж. Уильямсоном, не отличаются какой-то исключительной новизной и входят в набор прикладного инструментария любой макроэкономической политики. Поэтому было бы неточным утверждать, что успех или неудача реформаторских стратегий могут быть предопределены решением политических элит следовать или нет рекомендациям «Вашингтонского консенсуса». Конечный результат в значительной степени зависит от алгоритма, последовательности шагов и соответствия применяемых методов текущему моменту. Известный венгерский экономист, профессор Янош Корнаи, который в 1990 г. предложил один из первых вариантов комплексной стратегии перехода от социалистической к капиталистической системе⁵, спустя 20 лет написал так: «Даже сегодня я не отвергаю идею “пакета” радикальных реформаторских мер, когда ряд шагов предпринимается одновременно. Хорошо составленный набор выверенных мер способен восстановить равновесие сразу в нескольких областях макроэкономики или, по крайней мере, приблизить экономику страны к терпимой степени неравновесия (например, сократив дефицит текущего платежного баланса или бюджетный дефицит до приемлемого уровня)»⁶.

Специалисты в области макроэкономического регулирования по-прежнему считают, что рецепты «Вашингтонского консенсуса» представляют собой достаточно надежную

технологическую основу макроэкономической политики, пригодную для трансформации находящихся в кризисе директивных экономик в устойчивые рыночные системы. Однако, по мнению ряда исследователей, опыт, накопленный в результате реформ в Латинской Америке, Центральной и Восточной Европе, России и странах СНГ, показал, что «политическое измерение» этого стандартного пакета в виде так называемой «Вашингтонской гипотезы» (представления о том, что следствием глобального внедрения либеральной экономики является повсеместное развитие либеральной демократии) не оправдывает возлагаемых на него сторонниками глобализации надежд⁷.

Логические заключения, породившие «Вашингтонскую гипотезу» и основанную на ней глобальную политику, формулируются по-разному, но суть их примерно одинакова: «страны, более открытые для притока международного капитала, становятся также более склонными к предоставлению своим гражданам политических прав и гражданских свобод»; «обмен товарами и услугами является проводником для обмена идеями, а более разнообразный набор идей способствует политической конкуренции»⁸.

Однако на практике политика содействия распространению демократии либерального типа через вовлечение стран с директивными экономиками в рыночные реформы фактически означала, что глобализация должна была продемонстрировать их элитам и населению преимущества либеральных ценностей наиболее простым и очевидным образом: предоставив возможность всем трансформирующимся государствам извлечь выгоду на быстро растущем глобальном финансовом рынке.

Действительно, во второй половине XX в. эта политика привела к общему росту мирового богатства и позволила многим развивающимся странам достичь серьезных экономических успехов. Рост иностранных инвестиций, расширение международной торговли и развитие глобальных сетей коммуникаций способствовали «открытию» мира, усилению его взаимозависимости и стали доказательством успехов глобализации.

Однако стремление правительств разных стран реализовать модель развития, ориентированную на поддержание и распространение образа жизни и ценностей богатого среднего класса Европы и США, фактически привело к вовлечению в глобальные рынки огромных масс низкоквалифицированных работников из регионов с более низким уровнем жизни. Для развитых экономик это обернулось угрозами деиндустриализации, рост международной торговли вызвал фискальные дисбалансы, а массовый доступ «новичков» к сложившимся рынкам капитала обернулся множеством скандалов и крахов на фондовом рынке. В итоге последствия политики глобализации бумерангом вернулись к самим развитым странам

расходов от субсидирования к инвестированию проектов в области начального образования, общего здравоохранения, развития инфраструктуры и пр.; расширение налоговой базы и снижение налоговых ставок в рамках налоговой реформы; внедрение рыночных механизмов установления ставок рефинансирования; переход к рыночным обменным курсам валют; либерализация импорта путем отказа от количественных ограничений и перехода к относительно низким и однородным тарифам в рамках либерализации внешней торговли; открытость страны для прямых иностранных инвестиций; приватизация государственных предприятий; радикальное снижение барьеров для частного предпринимательства в рамках политики дерегулирования; законодательная защита прав собственности.

⁴ Сам Дж. Уильямсон, который рассматривает это как «полное искажение смысла». См.: *Williamson J. A Short History of the Washington Consensus. Paper for a conference “From the Washington Consensus towards a new Global Governance”*, Barcelona, Sept. 24-25, 2004. URL: <http://www.iie.com/publications/papers/williamson0904-2.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).

⁵ *Корнаи Я. Путь к свободной экономике (страстное слово в защиту экономических преобразований)* / Пред. Н.Я. Петракова. М.: Экономика, 1990.

⁶ *Корнаи Я. «Путь к свободной экономике»: десять лет спустя (переосмысливая прошлое)* // Вопросы экономики. 2000. № 12. С. 41–55.

⁷ См.: *Rudra N. Globalization and the strengthening of democracy in the developing world* // *American Journal of Political Science*. 2005. Vol. 49. № 4. P.704–730; *Eichengreen B., Leblang D. Democracy and Globalization* // *Economics & Politics*. Vol. 20. № 3. 2008. P. 289-334; *Giavazzi F., Tabellini G. Economic and Political Liberalization* // *Journal of Monetary Economics*. 2005. Vol. 52. № 7. P. 1297-1330; и др.

⁸ *Dailami M. Financial Openness, Democracy, and Redistributive Policy. Policy Research Paper № 2372*. – Washington, D.C.: The World Bank, 2000; *Eichengreen B., Leblang D. Democracy and Globalization* // *Economics & Politics*. 2008. Vol. 20. № 3. P. 289.

Запада. «Вовлечение в глобализацию» стран с менее развитыми экономиками привело к росту «нагрузки» на экономическую мощь государств Европы и США, создала серьезные риски самому западному образу жизни, провоцируя снижение жизненных стандартов, обострение неравенства и межэтнической нетерпимости на фоне эскалации новых транснациональных угроз таких, как терроризм, нежелательная миграция, прогрессирующая деградация окружающей среды. Кроме того, процессы глобализации нарушили сложившиеся на протяжении XX в. отношения и балансы, инициировав множество новых масштабных социальных и политических процессов в самом развивающемся мире. Фактически, идея об универсальном характере западной модели развития и соответствующих политических практик переживает сегодня сложный этап переоценки ценностей.

Это положение дел осложняется тем обстоятельством, что глобальные кризисы конца XX – начала XXI вв. продемонстрировали, что политические системы, выстроенные на догматически понимаемых принципах либеральной идеологии и формально-демократических механизмах, оказались малопригодны для быстрого и адекватного реагирования на непредвиденные вызовы. Проблема прогрессирующего снижения качества государственного управления стала одной из ключевых в «повестках дня» большинства европейских стран и Европейского Союза в целом. Как представляется, именно глобализация стала причиной углубляющегося разрыва между реальными возможностями государств справиться с экономическими проблемами и все возрастающим объемом требований, которые избиратели предъявляют своим правительствам в надежде сохранить преимущества прежнего образа жизни и уровень социальной защиты, независимо от объективно сложности ситуации.

В современных условиях, когда все большие слои населения приобретают политические навыки на фоне сокращения возможностей государства и его органов диктовать свою волю индивидам, разумность действий власти уже не является для индивидов аксиомой и требует постоянных доказательств. При этом шкала, по которой граждане оценивают деятельность своих правительств, нередко строится по принципу «выгодно – не выгодно лично мне», чем «полезно в целом для страны».

Европейский долговой кризис, который в 2010 г. охватил практически всю зону евро, стал наглядной иллюстрацией того факта, что крайне зависимые от своей электоральной популярности демократические лидеры в сложной финансовой ситуации предпочли продолжить «жить не по средствам», расширяя объем заимствований на международных рынках капитала, вместо того, чтобы начать кропотливую (и абсолютно непопулярную) работу, направленную на восстановление кредитоспособности страны, создания новых источников саморазвития экономики и ее конкурентоспособности.

События последних лет показывают, что когда в условиях социально-экономического кризиса «менеджеры, нанятые избирателями для управления государством», оказываются перед дилеммой спасти экономику или спасти свою популярность, то решение зачастую принимается не в пользу экономики. Относительно короткий срок полномочий (4–6 лет) провоцирует желание перебросить «горячую картошку» непопулярных мер в руки последующего главы государства и правительства. Или, напротив, в условиях затяжного кризиса, превышающего

сроки легислатуры действующего правительства, реализация жесткой антикризисной политики часто находится под угрозой срыва, поскольку избиратели, скорее всего, предпочтут «облегчить жизнь», поменяв руководство страны, а пришедшие на волне популизма новые власти будут вынуждены отказаться от продолжения политики прежнего кабинета.

Таким образом, растущее несоответствие реальных возможностей демократической власти завышенным ожиданиям избирателей превратилось в наши дни в один из наиболее серьезных вызовов, угрожающих сохранению статус-кво развитых стран.

Известный политолог, профессор Джоржтаунского университета (Вашингтон, США), в прошлом директор по Европейским делам Совета национальной безопасности США Чарльз Купчан выделяет три ключевые причины растущей неэффективности демократических правительств стран Запада.

По его мнению, сегодня стагнирующие экономики стран Запада практически перестали реагировать на рост государственных расходов или другие подобные меры, которые раньше широко использовались для стимулирования экономического роста, поскольку в современных условиях масштаб и скорость глобальных потоков торговли и капиталов таковы, что предпринимаемые суверенными правительствами антикризисные меры могут быть заблокированы масштабными действиями международных инвесторов или решениями рейтинговых агентств.

Кроме того, расширение числа «участников игры» (например, в результате ускоренного приема новых членов в Европейский Союз) привело к резкому снижению скорости принятия решений, в том числе в силу культурных различий, в разных подходах к пониманию общих интересов и смысла происходящего.

И, наконец, стало очевидно, что так называемые «демократические лидеры» перестали демонстрировать собственно лидерские качества. Как пишет Дж. Купчан, они гибки и находчивы только тогда, когда рассчитывают на явную поддержку избирателей, и становятся инертными, если понимают, что их возможные действия не отвечают ожиданиям граждан. В условиях, когда объективно требуется «затянуть пояс», политики, зависимые от мнения избирателей, предпочитают официальные мероприятия и речи, вместо того, чтобы принимать непопулярные решения, необходимые для восстановления кредитоспособности экономики⁹.

В отличие от революции, по словам Жоржа Дантона, пожирающей своих детей, глобализация «пожирала своих родителей», поскольку именно экономики самых развитых стран более всего страдают от последствий глобального распространения либеральных ценностей. Но именно проблемы глобализации сделали как никогда актуальными выводы о том, что эффективность социально-экономического управления в кризисной ситуации (независимо от типа экономики и политического режима) в конечном счете зависит от неэкономических факторов: от внутреннего согласия элит, от их способности адекватно оценивать ситуацию и выбирать эффективные стратегии, от возможности разумно контролировать медиа и умения убеждать общественность.

⁹ Kupchan C.A. The Democratic Malaise: Globalization and the Threat to the West // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. N 1. P. 62–67.

Трансформация правовых и политических систем

Очевидно, что даже самая эффективная антикризисная политика может «повиснуть в воздухе», если не принимать во внимание социальные, политические, психологические и прочие значимые факторы, формально не связанные с экономикой. Например, одним из существенных факторов, повлиявших на возможность «чилийского экономического чуда», стал авторитарный характер политического режима Аугусто Пиночета (1973–1990), в рамках которого произошло «насильственное» восстановление минимальных институтов рынка.

Опыт радикальных экономических реформ в Центрально-Восточной Европе и России продемонстрировал своего рода парадокс. С одной стороны, было доказано, что в ситуации системного кризиса экономические реформы не могут быть эффективными без реформы политических институтов. С другой стороны, выяснилось, что успех масштабных трансформаций возможен лишь в том случае, если государство является сильным и последовательным в своих действиях («дееспособным», по определению американского политолога и социолога Френсиса Фукуямы¹⁰), что объективно невозможно в ситуации распада старых и становления новых институтов.

В таких координатах становится очевидным, что идея либерального фундаментализма о необходимости «сокращения» и ослабления государства в целях дать свободу для запуска «рыночного мотора», который вытянет экономическую машину из кризиса, на практике провоцирует серьезные «провалы» рынка. Как показал опыт конца XX–начала XXI вв., антикризисная политика, построенная на идеях экономической либерализации, но реализуемая вне рамок сильных и эффективно функционирующих государственных институтов, чаще всего проваливается.

По мнению ряда авторитетных ученых, «закат» американской версии капитализма в ближайшее десятилетие будет способствовать тому, что развивающиеся страны станут более активно модифицировать свою экономическую политику. Причем главным направлением станет поиск оптимального сочетания преимуществ использования модели свободного рынка внутри национальной экономики и повышения устойчивости страны перед вызовами международной конкурентоспособности. Спустя двадцать лет после обнародования идеи «Вашингтонского консенсуса», окончательно стало ясно, что финансовая глобализация сама по себе не способна решить проблемы развития¹¹.

Сегодня стало очевидным, что в ситуации распада механизмов государственной власти, как это случилось в СССР в конце 1980-х–начале 1990-х гг., запуск радикальных экономических реформ может стать неизбежным, но отнюдь не достаточным условием восстановления внутренних механизмов саморазвития системы. Степень консолидации политических сил, наличие согласия элит и общества на необходимость изменений намного важнее, чем собственно методы реформирования экономики. Именно поэтому «Вашингтонский консенсус», несмотря на надежды своих создателей, не смог стать универсальным рецептом развития для всех стран с переходной экономикой, в том числе в силу значительных различий конкретно-исторических условий,

традиций экономической жизни и типов культуры. Как уже отмечалось, это обстоятельство особенно наглядно проявилось себя при попытках перенести практически без адаптации эти методы в страны Центрально-Восточной Европы и республики бывшего Советского Союза.

Свидетельством тому является сравнительный опыт рыночных преобразований конца XX – начала XXI вв. в Китайской Народной Республике и в СССР (затем в Российской Федерации). Как известно, обе страны представляют собой уникальные цивилизации, на протяжении многих столетий доминирующие на пространствах Евразии. Эти цивилизации различны по типу культуры, но схожи в своем стремлении к сильной централизованной государственной власти. По мнению британского историка Нила Фергюсона, Китай и Россия также похожи в своем стремлении достичь уровня экономического могущества стран, принадлежащих к европейскому типу культуры, особенно после периода начала промышленной революции¹².

Действительно, идея модернизации как одного из способов обретения еще большей мощи являлась ключевым драйвером экономических перемен, как в Китае, так и в Советском Союзе и России. В процессе реформ на рубеже XX и XXI вв. в КНР и Российской Федерации были построены достаточно развитые рыночные экономики, произошла интеграция в мировое экономическое пространство. Однако прилагаемые «в пакете» к рынку идеи либерализма и соответствующие политические практики оказались не слишком востребованы ни элитами, ни населением обеих стран. В итоге была построена более соответствующая историческим традициям и культурному типу модель так называемого регулируемого рынка, в которой, по словам известного политолога, профессора Университета Уэсли (США) Питера Ратленда, «элементы рынка оказались вплетены в посткоммунистические авторитарные институты и практики»¹³.

Коммунистическое руководство КНР на протяжении последних нескольких десятков лет реализует масштабные комплексные преобразования, связанные с постепенным уходом страны от централизованной плановой экономики советского типа. Внешние экономические успехи Китая, в основном связанные с особенностями централизованного государственного управления и многовековыми меритократическими принципами формирования бюрократии, выгодно контрастируют с нарастающим параличом управления в большинстве стран западного мира. А это, в свою очередь, вызывает соблазн рассматривать так называемую «китайскую модель» в качестве реальной альтернативы стратегии либерализации и ценностей либеральной демократии.

В 2000-е гг. новой формулой прогресса стал «Пекинский консенсус», который заменил собой идеологию «Вашингтонского консенсуса». Этот термин был предложен советником консалтинговой фирмы Goldman Sachs, бывшим редактором журнала «Тайм» Джошуа Рамо и стал широко известен после публикации доклада независимого Лондонского центра международной политики¹⁴. Сам по себе «Пекинский консен-

¹² Ferguson N. Civilization: The West and the Rest. L.: Penguin Books. 2011.

¹³ Ратленд П. Россия и Китай: Сага о двух переходах к рыночной экономике // Полис. 2009. № 3. С. 162–175.

¹⁴ См. подробнее об идее «Пекинского Консенсуса»: Ramo J.C. The Beijing Consensus. L.: Foreign Policy Centre. May. 2004 / <http://www.fpc.org.uk/fsblob/244.pdf>

¹⁰ Fukuyama F. State-building: Governance and World Order in the Twenty-first Century. L.: PROFILE BOOKS, 2004. P. 55–56.

¹¹ New Ideas on Development after the Financial Crisis / Eds. N. Birdsall, F. Fukuyama. John Hopkins University Press, 2011.

сус) является больше плодом аналитического воображения западных экономических экспертов, нежели некой реальной политикой, сформулированной в привычных Западу терминах и осознанно проводимой китайскими официальными властями. Пожалуй, главная ценность идеи «Пекинского консенсуса» заключается в том, что она стала фактическим признанием *множественности образцов, которые могут быть приняты миром в качестве модели развития.*

Например, в середине 2010 г. *Ларри Саммерс*, американский экономист и ключевой эксперт Администрации Президента США Барака Обамы, ввел в оборот термин «Мумбайский консенсус», имея в виду необходимость внимательного изучения индийской модели «народной экономики», которая потенциально могла бы быть использована в качестве примера для других развивающихся стран. В частности, он заявил, что «возможно, в 2040 году будут намного меньше говорить по поводу Вашингтонского или Пекинского консенсусов, нежели по поводу Мумбайского консенсуса – третьего пути, не основанного ни на идеях либерального капитализма, уже доказавшего, что он устарел, ни на идеях авторитарного капитализма, который еще покажет, что его успех не является устойчивым. Вместо этого будет Мумбайский консенсус, основанный на идее демократически развивающегося государства, движимого не меркантилистскими экспортно-ориентированными целями, но «народно-ориентированными» целями на повышение уровня внутреннего потребления и расширение среднего класса»¹⁵.

В рамках «Пекинского консенсуса» на смену характерной для современных западных демократий экономической модели «минимального государства», политики дерегулирования (либерализации) и обеспечения открытости внутреннего рынка была выдвинута экспортно-ориентированная модель экономического роста при сохранении централизованного управления и целостности государственного суверенитета. Базовыми механизмами экономических перемен в рамках этой модели стали заимствование инноваций и накопление инструментов «ассиметричной» силы, т.е. валютных резервов. Сторонники «Пекинского консенсуса» считают, что жесткость государственного регулирования банковской деятельности в сочетании со снижением зависимости от конъюнктурных колебаний международных рынков капитала может стать универсальным ответом на вызовы современности. По крайней мере, глобальный экономический кризис 2008 г. продемонстрировал достаточную эффективность подобного «экранирования» национальных экономик от проблем глобальной экономической волатильности.

Очевидный экономический успех КНР привел к возникновению довольно распространенных представлений о том, что распада СССР можно было бы избежать, если бы М.С. Горбачев взял на вооружение «китайский опыт», а российская стратегия экономических реформ, построенная на западном опыте, не отвечала критериям оптимальности¹⁶.

¹⁵ *Quinn A.* Time-traveling Larry Summers envisions “Mumbai Consensus”. 2 June 2010 // Официальный сайт «Reuters». URL: <http://blogs.reuters.com/talesfromthetrail/2010/06/02/time-traveling-larry-summers-mumbai-envisions-mumbai-consensus/> (дата обращения: 01.09.2014).

¹⁶ См.: *Полютерович В.М.* Стратегии институциональных реформ: Китай и Россия // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. Вып. 2.; *Islam N.* Was the Gradual Approach Not Possible in the USSR? A Critique

Сравнительный анализ истории реформ СССР и Китая является необходимым с точки зрения формирования практического инструментария в сфере управления общественными изменениями, однако само по себе обсуждение принципиальной возможности или невозможности «исторической альтернативы» не имеет практического смысла, поскольку история не терпит сослагательного наклонения и никогда не повторяется в неизменности. Вдобавок, при анализе исторических событий с высот сегодняшнего опыта, существует риск впасть в гиперкритическую назидательную позицию, предъявляя к деятелям ушедшего времени требования и стандарты, которые были осознаны и сформулированы только недавно.

В частности, какой-то оформленной стратегии, сложившегося набора методов и рецептов, который теперь обобщенно называется «китайским путем», в конце XX в. попросту не существовало. Масштабные социально-экономические изменения были начаты в СССР и КНР примерно в одно и то же время, причем политическое руководство обеих стран действовало по большей части в соответствии с древней китайской мудростью: «Переходя реку, нащупываем камни». В конце 1980-х гг. не существовало «отделенного» от практики, отрефлексированного «аналитического опыта» китайских или советских реформ, который мог бы стать предметом «трансферта».

Кроме того, в то время видимые изменения происходили по большей части в политической области, но не в экономике¹⁷. Другое дело, что, столкнувшись с угрозами дестабилизации политической власти и углублением экономического кризиса, национальные элиты обеих стран повели себя по-разному.

Как отмечает исследователь японской «фабрики мысли» – Международного Центра по изучению развития Восточной Азии (ICSEAD) *Назрул Ислам*, «в отличие от Китая, СССР явно не желал переходить к рынку, стараясь остаться в системе координат плановой экономики»¹⁸. Таким образом, если в СССР курс на модернизацию страны привел к распаду единства в руководстве КПСС, а политическая реформа стала средством внутренней борьбы элитных групп, то в КНР необходимость реформ послужила средством консолидации политической власти страны перед новыми вызовами. Пожалуй, именно в этой части «китайский опыт» был бы действительно полезен для России.

Известный участник политики «перестройки», философ и политолог *Александр Сергеевич Ципко* так пишет в предисловии к своей книге воспоминаний: «Теперь, в начале нового, 2011 года ... я понимаю, что в СССР, в отличие от Китая, не было самого главного, что могло бы удержать ста-

of the Sachs-Woo ‘Impossibility Hypothesis’// *Comparative Economic Studies*. 2011. Vol. 53. No 1. P.83–147; и др.

¹⁷ Характерно, что в СССР и Китае удивительно совпадала динамика роста политической напряженности. Например, в 1986 г. прошли студенческие волнения в Китае и выступления на этнической почве студентов Якутского университета, в апреле 1989 г. был жестоко подавлен митинг на площади Руставели в Тбилиси, а в июне того же года на весь мир прогремели события на пекинской площади Тяньаньмэнь.

¹⁸ *Islam N.* Was the Gradual Approach Not Possible in the USSR? A Critique of the Sachs-Woo ‘Impossibility Hypothesis’// *Comparative Economic Studies*. 2011. Vol. 53. No 1. P.83–147

Трансформация правовых и политических систем

рую, настоящую Россию от распада: не было национальной элиты в точном смысле этого слова, не было среди верхов (и прежде всего среди столичных верхов) тех, кто бы ставил национальные интересы выше собственных. Не обладали российским национальным сознанием ни те, кто решал судьбу страны, ни народные массы, которые слепо шли за своими поводырями»¹⁹.

Реализация модели экономических реформ, которая в Китае получила название «политики реформ и открытости», была начата по инициативе лидера так называемых «прагматиков» в китайском политическом руководстве *Дэн Сяопина* в 1978 г. Эта политика стала программой экономического возрождения Китая после событий «культурной революции». Она быстро привела к стабилизации социально-политической обстановки в стране, но одновременно обернулась укреплением номенклатурных привилегий бюрократии.

События 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, поставившие Китай перед лицом самого серьезного политического кризиса, стали, тем не менее, точкой отсчета новой консолидации коммунистической элиты страны и начала, как тогда говорили, «политически ограниченных» рыночных реформ²⁰.

Собственно рыночные изменения начались в Китае только в начале 1990-х гг. с отказа от централизованного планирования экономики, построения современной банковской системы и организации рынков капитала. Неформальной деловой столицей КНР стал Шанхай – главная «витрина» экономических перемен. Основной упор руководство страны сделало на создание и развитие новых государственных предприятий, а также на стимулирование малых коллективных форм собственности в сельском хозяйстве. Вместо массовой приватизации в конце 1990-х гг. большинство неэффективных государственных предприятий были попросту закрыты, а в Китае были начаты работы по формированию основ современных систем социального страхования и пенсионного обеспечения, которые до этого фактически отсутствовали.

Несмотря на очевидные успехи Китая, до сих пор нет ясного понимания того, насколько устойчивой окажется в будущем «китайская модель» экономического роста. Более того, в настоящее время основные тренды такой модели роста уже не внушают уверенности самим китайским экспертам.

Как отмечают экономисты КНР, с учетом сегодняшнего опыта представляется ошибочной линия, связанная с акцентом «на стимулирование экономического роста путем инвестиционных проектов, реализуемых государственными предприятиями с огромными займами из государственных банков». Например, в провинции Чонкинг (*Chongqing*) экономический рост составил в 2011 г. 16,4% и оказался рекордным среди всех муниципалитетов страны. Но при этом региональные и местные государственные предприятия набрали займов на общую сумму в 160 млрд долларов. И многие из них вряд ли будут возвращены²¹.

В условиях мирового кризиса 2008 г. многие международные и национальные компании начали выводить из Китая свои

исследовательские подразделения, что резко ослабило возможности заимствования инноваций. Накопленные валютные резервы обесцениваются, а их рост сокращается в результате сжатия доходов от экспорта. На смену избытку дешевой рабочей силы быстро приходит ее дефицит, меняется структура занятости, быстро растет экономическое неравенство.

Согласно данным Государственного статистического управления КНР, впервые городское население Китая превысило число жителей деревень в 2011 г. К концу 2012 г. количество городских жителей в стране составило более 711,8 млн. человек (52,57%), а сельских – более 642,2 млн. человек (47,43%). Однако, по разным оценкам, до 200 млн. человек из числа нынешних горожан нельзя отнести к подлинно городским жителям, поскольку они являются трудовыми мигрантами, которые живут на территории промышленных предприятий, практически не покидая их пределы²². Внеэкономические методы перераспределения земли в пользу крупных проектов стимулируют пауперизацию сельского населения²³. Все говорит о том, что экономический рост в Китае, основанный на модели «авторитарного капитализма», может остановиться в любой момент: например, рост заработной платы в Китае, которая увеличивается на 10–15% в год, в том числе и для удержания рабочей силы, уже перестал компенсироваться ростом производительности труда. По данным экспертов, к 2015 г. в Китае производственные издержки будут лишь на 10% ниже, чем в США, а значит, традиционная модель китайского экспорта обречена²⁴.

Чтобы этого избежать, китайское руководство начало новую программу реформ в рамках 12-го пятилетнего плана (2011–2015), связанную с постепенным отказом от экспортной модели роста с высоким уровнем накоплений, переходом к расширению внутреннего потребления и поддержкой частных предприятий. В связи с отказом от массового производства товаров с низкой добавленной стоимостью на китайских предприятиях начинает быстро расти доля квалифицированного персонала и развиваться высокотехнологичные производства. С одной стороны, это повышает конкурентоспособность китайской экономики на падающем глобальном рынке. С другой стороны, постепенный рост покупательной способности населения Китая должен в перспективе резко повысить привлекательность гигантского внутреннего рынка страны.

²² URL: <http://ru1.chinabroadcast.cn/1281/2012/01/18/1s412001.htm> (дата обращения: 01.09.2014).

²³ Изъятие сельскохозяйственных земель, находящихся в коллективной собственности, под строительство недвижимости, промышленных предприятий и объектов инфраструктуры является одним из слагаемых китайского экономического «чуда». Например, согласно данным доклада Государственного совета КНР, из 1,1 млн гектаров участков земли в прибрежных районах, переданных под застройку, более 700 тыс. гектаров было оформлено с нарушением закона. В результате, примерно 75 млн крестьян полностью лишились земли и вынуждены были пополнить более чем 200 млн сельских жителей, которые ежедневно в поисках средств к существованию перемещаются по территории Китая (Muldavin J. China's Shaky Economic Foundation // The New York Times. 2011. December 30).

²⁴ Made in America, Again: Why Manufacturing Will Return to the US / H.L. Sirkin, M. Zinser, D. Hohner. The Boston Consulting Group. August 2011.

¹⁹ Ципко. А.С. Исповедь одессита-антисоветчика: «Агент “Солидарности”» в команде Горбачева: Мемуары. М.: Навона, 2011. С. 6.

²⁰ The Impact of China's Tiananmen Massacre / Ed. by J. – P. Béja (China Policy Series). Routledge, 2010.

²¹ Wong E. “China Model” Losses Some of its Luster // International Herald Tribune. 2012. May 11. P. 1, 9.

По мнению большинства иностранных китаеведов, именно переход к модели роста внутреннего потребления способен «вытащить» экономику страны из развившихся неустойчивостей прежней модели экономического роста.

Однако единства по этому вопросу среди китайской элиты нет. Сегодня ситуация в КНР начинает напоминать историю СССР конца 1980-х гг.: основным «тормозом» дальнейших реформ становятся представители влиятельных групп интересов, которые научились извлекать реальные дивиденды из проводимой на протяжении десятилетий экономической политики и поэтому всячески тормозят какие-либо серьезные изменения в ней. Одна из существенных проблем заключается в том, что как уходящие, так и вновь приходящие лидеры тесно связаны с государственными предприятиями и потому заинтересованы в сохранении статус-кво²⁵. Сложившееся положение дел выглядит настолько безысходным, что некоторые западные эксперты всерьез считают, что последней реальной надеждой на дальнейшее продвижение рыночных реформ является Коммунистическая партия Китая, поскольку только она одна способна подавить влияние этих групп интересов и содействовать проведению жизненно необходимых изменений²⁶.

Неопределенность в отношении следующего этапа китайских реформ усиливается прогрессирующим «охлаждением» китайской экономики. В марте 2012 г. Премьер-Министр КНР *Вен Джиабao (Wen Jiabao)* понизил прогноз с 8,1 до 7,5 %²⁷. Рост до 7,5 % не был подтвержден ни в 2013, ни в 2014 г., а само китайское руководство теперь избегает публичных обсуждений вопроса о замедлении темпов экономического развития.

Таким образом, вопрос о реальной направленности социально-экономической трансформации КНР до сих пор остается открытым. Существует целый спектр различных мнений по поводу экономической системы современного Китая – от признания существования китайского варианта социалистической рыночной экономики, до полного отрицания приверженности этой страны идеям социализма. Судя по всему, тот путь, по которому идет Китай, возможен только в Китае.

Как отмечает известный исследователь экономики Дальнего Востока, профессор *Владимир Яковлевич Портяков*, «формирующаяся рыночная экономика в КНР еще долго будет сохранять черты, говоря словами [Людвига] Эрхарда, “принудительной направленности хозяйства”. Это продиктовано как экономическими причинами ориентации Китая на модернизацию, требующую высокой степени централизации ресурсов, так и обстоятельствами иного рода (необходимостью контроля за социальной и демографической ситуацией)»²⁸.

Что касается собственно масштабных экономических реформ, связанных с переходом на новую модель экономического роста, то они начались в Китае одновременно

с радикальными экономическими реформами в России. В итоге, к середине 2000-х гг. экономики России и Китая больше соответствовали параметрам «Пекинского консенсуса», чем «Вашингтонского консенсуса».

Представляется, что в последние десятилетия «экономическое чудо» произошло не только в Китае, но и в России. И с этой точки зрения российская ностальгия по «китайскому опыту» лишена смысла. Достаточно взглянуть на некоторые параметры экономик двух стран. За десять лет (1997–2007 гг. в России и 1996–2006 гг. в Китае) среднегодовые темпы роста ВВП составили 6,3% в России и 10,5% – в Китае. При разнице в числе населения в 9,3 раза, ВВП Китая сегодня превышает ВВП нашей страны только в 2,7 раза. В канун глобального экономического кризиса 2008 г. среднедушевой уровень ВВП в Российской Федерации составил 6930 долл. США, а в КНР – 2000 долл. США²⁹.

Важно также учитывать крайне высокую степень территориального и социального неравенства в современном Китае. Например, если в начале 1990-х гг. годовые доходы городского населения КНР в 2,95 раза превышали доходы сельских жителей, то в 2007 г. – уже 3,33 раза. В 2005 г. годовой доход на душу населения в Пекине составил 17653 юаня (или 2263 долл. США по текущему курсу), тогда как в одной из беднейших китайских провинций на западе страны Цинхай – 8057 юаней (1033 долл. США) в год. При этом годовой доход крестьян (на душу населения) в провинции Цинхай в том же 2005 г. составил 2165 юаней (или 277 долл. США), т.е. 25% от дохода горожанина той же провинции. По данным опроса 7140 домохозяйств, проведенного в 2007 г. Академией общественных наук КНР, богатейшие 10% населения страны владеют 40% всех частных активов Китая, тогда как беднейшим 10% принадлежит менее 2% совокупного богатства³⁰.

Безусловно, что с течением времени общий уровень благосостояния в Китае постепенно возрастает (поскольку он начал расти практически от нуля)³¹, но темпы роста социально-экономических диспропорций, которыми сопровождается китайское «экономическое чудо» увеличиваются еще быстрее. Таким образом, динамика указанных дисбалансов формирует уже не экономическую, а политическую повестку будущего развития страны.

Известно, что важнейшая функция эффективного государства заключается в умении выбирать перспективные траектории развития, позволяющие достичь успеха в интересах всего общества. Однако на практике крайне сложно обеспечить согласование публично заявленных и нормативно одобряемых целей и задач с индивидуальными прагматическими интересами конкретных живых людей, которые являются объективной «человеческой составляющей» административного аппарата любого государства. Таким образом, качество государственного управления развитием, особенно

²⁵ Wong E. 'China model' losses some of its luster // International Herald Tribune. 2012. May, 11. P.1, 9.

²⁶ Lardy N.R. Sustaining China's Economic Growth After the Global Financial Crisis. Washington, DC. Peterson Institute Press, 2012. – 181 p.

²⁷ Wong E. 'China model' losses some of its luster . P. 9.

²⁸ Портяков В.Я. Экономическая реформа в Китае: 1979–1999 гг. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. С. 26.

²⁹ The Economist: Pocket World in Figures. 2009 Edition. L.: PROFILE BOOKS, 2008. P. 132, 204.

³⁰ Цит. по: Интервью главного редактора редакции информации на китайском языке «РИА Новости» А. Ефимова. URL: <http://www.kreml.org/interview/181087499> (дата обращения: 01.09.2014).

³¹ По ряду ключевых экономических показателей, например значениям удельного ВВП или доле городского населения, уровень экономического развития Китая в 1980 г. примерно соответствовал уровню развития СССР в 1930 г.

Трансформация правовых и политических систем

в условиях кризиса, самым непосредственным образом зависит от качества его управленческих элит.

В условиях современной демократии срок legislatures лиц, принимающих решения на государственном уровне крайне ограничен, поэтому у глав государств, парламентов и правительств возникает потребность в достижении быстрых и конкретных успехов, наглядно демонстрирующих гражданам эффективность деятельности. Однако глубокие социально-экономические трансформации, переход к новой стадии общественного развития – это задачи, несоизмеримые по масштабу со сроками нахождения у власти того или иного лидера. Поэтому для успеха преобразований особое значение имеют такие факторы, как единство элит и преемственность курса.

Принятие решение о переходе к новой модели экономического развития, о запуске «модернизационного проекта» – это всегда риск для политиков, поскольку инициаторы этой стратегии вряд ли пожнут плоды ее успеха. Таким образом, успех масштабных перемен возможен в обществах, где со сменой главы государства не происходит нарушение преемственности курса, где обеспечивается стабильность основных законов, сохраняется внутреннее единство элит и обществственный консенсус относительно путей развития. Именно эти факторы являются определяющими, в том числе при оценке возможностей заимствования тех или иных экономических и управленческих решений из опыта других стран.

Библиография:

1. Dailami M. Financial Openness, Democracy, and Redistributive Policy. Policy Research Paper № 2372. – Washington, D.C.: The World Bank, 2000.
2. Eichengreen B., Leblang D. Democracy and Globalization // *Economics & Politics*. Vol. 20. № 3. P. 289-334.
3. Ferguson N. Civilization: The West and the Rest. L.: Penguin Books, 2011.
4. Fukuyama F. State-building: Governance and World Order in the Twenty-first Century. L.: PROFILE BOOKS, 2004.
5. Giavazzi F., Tabellini G. Economic and Political Liberalization // *Journal of Monetary Economics*. 2005. Vol. 52. № 7. P. 1297-1330; и др.
6. Islam N. Was the Gradual Approach Not Possible in the USSR? A Critique of the Sachs-Woo 'Impossibility Hypothesis' // *Comparative Economic Studies*. 2011. Vol. 53. No 1. P.83–147.
7. Kupchan C. A. The Democratic Malaise: Globalization and the Threat to the West // *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. N 1. P. 62–67.
8. Lardy N.R. Sustaining China's Economic Growth After the Global Financial Crisis. Washington, DC. Peterson Institute Press, 2012. 181 p.
9. Made in America, Again: Why Manufacturing Will Return to the US / H.L. Sirkin, M. Zinser, D. Hohner. The Boston Consulting Group. August 2011.
10. Muldavin J. China's Shaky Economic Foundation // *The New York Times*. 2011. December 30.
11. New Ideas on Development after the Financial Crisis / Eds. N. Birdsall, F. Fukuyama. John Hopkins University Press, 2011.
12. Quinn A. Time-traveling Larry Summers envisions "Mumbai Consensus". 2 June 2010 // Официальный сайт «Reuters». URL: <http://blogs.reuters.com/talesfromthetrail/2010/06/02/time-traveling-larry-summers-envisions-mumbai-consensus/> (дата обращения: 01.09.2014).
13. Ramo J. C. The Beijing Consensus. L.: Foreign Policy Centre. May. 2004 / URL: <http://www.fpc.org.uk/fsblob/244.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
14. Rudra N. Globalization and the strengthening of democracy in the developing world // *American Journal of Political Science*. 2005. Vol. 49. № 4. P.704–730
15. The Economist: Pocket World in Figures. 2009 Edition. L.: PROFILE BOOKS, 2008.
16. The Impact of China's Tiananmen Massacre / Ed. by J. – P. Béja (China Policy Series). Routledge, 2010.
17. Williamson J. A Short History of the Washington Consensus. Paper for a conference "From the Washington Consensus towards a new Global Governance", Barcelona, Sept. 24-25, 2004. URL: <http://www.iie.com/publications/papers/williamson0904-2.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
18. Williamson J. What Should the World Bank Think About the Washington Consensus? // *World Bank Research Observer*. 2000. Vol. 15. № 2. P. 251–264.
19. Wong E. "China Model" Loses Some of its Luster // *International Herald Tribune*. 2012. May 11. P. 1, 9.
20. Волошин О. Государство только начинается: о круглом столе журнала «Эксперт» с участием Френсиса Фукуямы // *Эксперт-Украина*. 2006. 23 октября.
21. Корнаи Я. «Путь к свободной экономике»: десять лет спустя (переосмысливая прошлое) // *Вопросы экономики*. 2000. № 12. С. 41–55.
22. Корнаи Я. Путь к свободной экономике (страстное слово в защиту экономических преобразований) / Пред. Н.Я. Петракова. М.: Экономика, 1990.
23. Алейников А.В. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья I. // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 7. – С. 94-140. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html
24. Алейников А.В. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья II. // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 8. – С. 1-47. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.8.5109. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_5109.html
25. И.В. Плюгина, Е.Е. Рафалюк, С.А. Перчаткина Государство в меняющемся мире: обзор работы VI Международной школы. // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2011. – 3. – С. 126-143.
26. А. Д. Урсул, Т. А. Урсул Будущее глобального мира: обеспечение безопасности через устойчивое развитие // *Национальная безопасность / nota bene*. – 2012. – 3. – С. 23-36.
27. Трошинский П.В. Право и политика современного Китая // *Право и политика*. – 2014. – № 7. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.7.8822
28. Бородин Е.А.. Современные политические реалии Центральной Азии: Россия, Китай и Кыргызстан // *Политика и Общество*. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.1.9997
29. Гуаньцюнь Л.. Роль тайваньской проблемы в морской политике КНР // *Международные отношения*. – 2013. – № 4. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9754
30. Замараева Н.А.. Пакистан – Гвадар – Китай: региональный передел // *Международные отношения*. – 2013. – № 3. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.8980
31. И.М. Афанасьева. Интегрированная модель политического взаимодействия в континентальном Китае и административном районе Сянган // *Политика и Общество*. – 2013. – № 3. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.12
32. Е. В. Соловьёва. Стратегическое партнерство России и Китая как фактор культурного взаимодействия в современных политических условиях // *Политика и Общество*. – 2012. – № 1. – С. 104-107.

33. С. А. Сидоров. Концепция национальной безопасности КНР в контексте международной и национальной безопасности России // *Национальная безопасность / nota bene*. – 2012. – № 1. – С. 104-107.
34. Г. Ц. Ли. Морская политика Китая в регионе АТР // *Национальная безопасность / nota bene*. – 2012. – № 1. – С. 104-107.
35. А. Л. Верченко. Синьхайская революция: некоторые аспекты обновления китайского общества // *Исторический журнал: научные исследования*. – 2011. – № 5. – С. 104-107
36. Э. А. Калинин К вопросу об идеологических основах принципов международного экономического права и Россия как полноправный участник международных отношений // *Право и политика*. – 2011. – 8. – С. 1323 – 1334.
37. Зарянов Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // *NB: Международные отношения*. – 2015. – 1. – С. 89 – 122. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12649. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12649.html

References (transliterated):

1. Dailami M. Financial Openness, Democracy, and Redistributive Policy. Policy Research Paper № 2372. – Washington, D.C.: The World Bank, 2000.
2. Eichengreen B., Leblang D. Democracy and Globalization // *Economics & Politics*. Vol. 20. № 3. P. 289-334.
3. Ferguson N. Civilization: The West and the Rest. L.: Penguin Books. 2011.
4. Fukuyama F. State-building: Governance and World Order in the Twenty-first Century. L.: PROFILE BOOKS, 2004.
5. Giavazzi F., Tabellini G. Economic and Political Liberalization // *Journal of Monetary Economics*. 2005. Vol. 52. № 7. P. 1297-1330; i dr.
6. Islam N. Was the Gradual Approach Not Possible in the USSR? A Critique of the Sachs-Woo 'Impossibility Hypothesis' // *Comparative Economic Studies*. 2011. Vol. 53. No 1. P.83–147.
7. Kupchan C. A. The Democratic Malaise: Globalization and the Threat to the West // *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. N 1. P. 62–67.
8. Lardy N.R. Sustaining China's Economic Growth After the Global Financial Crisis. Washington, DC. Peterson Institute Press, 2012. 181 p.
9. Muldavin J. China's Shaky Economic Foundation // *The New York Times*. 2011. December 30.
10. Quinn A. Time-traveling Larry Summers envisions "Mumbai Consensus". 2 June 2010 // *Ofitsial'nyi sait «Reuters»*. URL: <http://blogs.reuters.com/talesfromthetrail/2010/06/02/time-traveling-larry-summers-envisions-mumbai-consensus/> (data obrashcheniya: 01.09.2014).
11. Ramo J. C. The Beijing Consensus. L.: Foreign Policy Centre. May. 2004 / URL: <http://www.fpc.org.uk/fsblob/244.pdf> (data obrashcheniya: 01.09.2014).
12. Rudra N. Globalization and the strengthening of democracy in the developing world // *American Journal of Political Science*. 2005. Vol. 49. № 4. P.704–730
13. Williamson J. A Short History of the Washington Consensus. Paper for a conference "From the Washington Consensus towards a new Global Governance", Barcelona, Sept. 24-25, 2004. URL: <http://www.iie.com/publications/papers/williamson0904-2.pdf> (data obrashcheniya: 01.09.2014).
14. Williamson J. What Should the World Bank Think About the Washington Consensus? // *World Bank Research Observer*. 2000. Vol. 15. № 2. P. 251–264.
15. Wong E. "China Model" Loses Some of its Luster // *International Herald Tribune*. 2012. May 11. P. 1, 9.
16. Voloshin O. Gosudarstvo tol'ko nachinaetsya: o kruglom stole zhurnala «Ekspert» s uchastiem Frensisa Fukuyamy // *Ekspert-Ukraina*. 2006. 23 oktyabrya.
17. Kornai Ya. «Put' k svobodnoi ekonomike»: desyat' let spustya (pereosmyslivaya proshloe) // *Voprosy ekonomiki*. 2000. № 12. S. 41–55.
18. Kornai Ya. Put' k svobodnoi ekonomike (strastnoe slovo v zashchitu ekonomicheskikh preobrazovaniy) // *Pred. N.Ya. Petrakova. M.: Ekonomika*, 1990.
19. Aleinikov A.V. Sistemnye konflikty v Rossii: kontseptual'nye osnovaniya analiza. Stat'ya I. // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. – 2013. – 7. – С. 94-140. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html
20. Aleinikov A.V. Sistemnye konflikty v Rossii: kontseptual'nye osnovaniya analiza. Stat'ya II. // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. – 2013. – 8. – С. 1-47. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.8.5109. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_5109.html
21. I.V. Plyugina, E.E. Rafalyuk, S.A. Perchatkina Gosudarstvo v menyayushchemsya mire: obzor raboty VI Mezhdunarodnoi shkoly. // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. – 2011. – 3. – С. 126-143.
22. A. D. Ursul, T. A. Ursul Budushchee global'nogo mira: obespechenie bezopasnosti cherez ustoichivoe razvitie // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. – 2012. – 3. – С. 23-36.
23. Troshchinskii P.V. Pravo i politika sovremennogo Kitaya // *Pravo i politika*. – 2014. – № 7. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.7.8822
24. 28. Borodin E.A.. Sovremennye politicheskie realii Tsentral'noi Azii: Rossiya, Kitai i Kyrgyzstan // *Politika i Obshchestvo*. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.1.9997
25. Guan'tsyun' L.. Rol' taivan'skoi problemy v morskoi politike KNR // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2013. – № 4. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9754
26. Zamaraeva N.A.. Pakistan – Gvadar – Kitai: regional'nyi peredel // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2013. – № 3. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.8980
27. I.M. Afanas'eva. Integrirovannaya model' politicheskogo vzaimovliyaniya v kontinental'nom Kitae i administrativnom raione Syangan // *Politika i Obshchestvo*. – 2013. – № 3. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.12
28. E. V. Solov'eva. Strategicheskoe partnerstvo Rossii i Kitaya kak faktor kul'turnogo vzaimodeistviya v sovremennykh politicheskikh usloviyakh // *Politika i Obshchestvo*. – 2012. – № 1. – С. 104-107.
29. S. A. Sidorov. Kontseptsiya natsional'noi bezopasnosti KNR v kontekste mezhdunarodnoi i natsional'noi bezopasnosti Rossii // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. – 2012. – № 1. – С. 104-107.
30. G. Ts. Li. Morskaya politika Kitaya v regione ATR // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. – 2012. – № 1. – С. 104-107.
31. A. L. Verchenko. Sin'khaiskaya revolyutsiya: nekotorye aspekty obnoveniya kitaiskogo obshchestva // *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2011. – № 5. – С. 104-107
32. E. A. Kalinin K voprosu ob ideologicheskikh osnovakh printsipov mezhdunarodnogo ekonomicheskogo prava i Rossiya kak polnopravnyi uchastnik mezhdunarodnykh otnoshenii // *Pravo i politika*. – 2011. – 8. – С. 1323 – 1334.
33. Zaryanov E.P. Myagkaya sila kak kharakternyi priznak politicheskogo vliyaniya velikoi derzhavy v usloviyakh mnogopolyarnogo mira // *NB: Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2015. – 1. – С. 89 – 122. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12649. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12649.html